

Александр Попов-Гинзберг

Неуважительная причина

18+

Александр Попов-Гинзберг

Неуважительная причина

<https://litres.ru/73515873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда человеку всего 17, а его планы на ближайшую жизнь сходу налетают на неизлечимую болезнь (Рассеянный склероз), Судьба пишет свой Сценарий, где Герой стремится стать его полноправным соавтором. В этой истории, кроме соседства с недугом, сплетётся в причудливую мозаику очень многое. "Неуважительная причина" перекликается с другой книгой автора "Один на один с болезнью", оставаясь самостоятельным произведением – со своими сверхзадачей, пафосом и содержанием.

Помимо обретения им важных опорных точек, читатель узнает о его колебаниях и ошибках, позволявших, однако, видеть новые возможности на пути к собственному «Я».

Книга богата забавными, парадоксальными, да и просто смешными моментами – как оно и бывает в жизни.

Из этой книги читатель узнает, что сказал Автору Юрий Никулин, прочтя подборку его стихов, как едва не родилась новая легенда старого кладбища. Как его переводы индийский поэзии вошли в академическое издание, и какой жизненный поворот связал автора с Эмиром Кустурицей.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	4
В доме на берегу	4
Коляска	23
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Неуважительная причина

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В доме на берегу

Я стоял со спиннингом в руках неподалёку от кромки поросшего сидящей осокой каменистого мыса, длинным острым языком уходящего в тёмную озёрную гладь. Хотя "стоял" – не совсем точное слово, если говорить о человеке, сидящем в инвалидной коляске.

Начало октября 2017-го года выдалось здесь дождливым, хотя сегодня дождь, кажется, идти передумал. Моя супруга Ирина, немного пофотографировав виды озера, ушла "домой" – в снимаемый нами бревенчатый коттедж, относящийся к стоящей здесь же на берегу озера, базе отдыха.

Заброс, заброс, ещё и ещё, но всё – впустую. Хищник никак себя не проявлял, словно я нахожусь не на берегу огромного озера, из которого вытекает неширокая и ещё не понимающая собственного размаха Волга, а на кафельном бортике плавательного бассейна.

Я снял коляску с тормозов, чтобы спуститься ниже, к самой кромке воды: забрасывать приманку оттуда, казалось мне, будет гораздо удобнее.

Однако, я неверно оценил ситуацию. Заросший седеющей осокой склон оказался куда круче того, что я себе представлял. Коляску неудержимо и с резким ускорением повело вперёд и вниз. За пару секунд она набрала нешуточную скорость и, ударилась подножкой о выглядывающие из воды камни, совершила какой-то немыслимый кульбит, унося меня в воду.

Странная особенность человеческой психики: когда что-то случается настолько неожиданно, что ты даже не успеваешь испугаться, события как будто, замедляются. И тогда удаётся подумать о вещах, времени на которые, кажется, оставаться у тебя не должно. Так, ещё не успев коснуться воды, я с досадой сообразил, что ноги от ремней подножки освободить уже не удастся, и мне придётся уже в воде, как-то из этого положения во всех смыслах этого слова, выпутываться.

Через мгновение с громким плюхом врезавшись в воду и стараясь, с одной стороны, поднять лицо над нею, а с другой – высвободить ноги, я с неожиданным в такой ситуации удовлетворением, отметил для себя две важные вещи. Первое: мне очень повезло, что я умудрился угодить как раз между двумя крупными валунами, и потому ничего не повредил.

И (забавно) – второе: вода, несмотря на октябрь, оказалась (или так сгоряча показалась?) вполне себе тёплой! Хотя, да: было мне в тот момент не до раздумий. Ведь теперь нужно как-то, и как можно скорее выбираться на берег, и

как-то (интересно, как?) вытаскивать из воды мое намокшее средство передвижения.

Кое-как освободив ноги, я начал медленно выбираться из воды, одновременно подтягивая за собой коляску. И тут на мысу материализовался какой-то слегка подвыпивший улыбчивый парень. Было понятно, что он стал невольным свидетелем моего феерического купания.

Я крепко ухватился за протянутую им руку, и через секунду оказался на берегу. Потом парень вытащил и коляску за выглядывающие из воды антипрокидыватели. Я кое-как сел в свой хлюпающий экипаж, и он любезно покатил его вверх по склону – как раз в тот момент, когда на мыс прибежала насмерть перепуганная Ирина.

Это уже потом мы весело смеялись, вспоминая обстоятельства моего нечаянного купания. Но тогда ей было совсем не до смеха. После такого приключения мне поневоле придётся сидеть "дома" – как минимум, до завтра. Промокшую одежду сменить нетрудно, а вот сиденье и спинка коляски даже рядом с обогревателем высохнут не так скоро.

А потому, не будет у нас и традиционной вечерней прогулки в компании неизменной участницы поездок сюда, собаки чёрной с серебром масти породы Цвергшнауцер по кличке "Зетта". Это имя ещё в декабре 2012-го придумала для неё наша дочь Аня. Теперь она – человек взрослый, живущий собственной, отдельной жизнью. За несколько дней до отъезда, она тоже приедет сюда, и мы вместе вернёмся в Москву.

А наше намечавшееся, но отменённое мероприятие – не совсем и не только прогулка. Время от времени мы ходим в сопровождении нашей собаки на поиски выброшенных волной ажурных, сплетающихся в причудливые узлы, сосновых корней. Несмотря на небольшие размеры – всего 35 сантиметров в холке, Зетка – собака вполне себе серьёзная.

Рассудив что-то своим собачьим умом, она раз и навсегда решила, что без её защиты мне с моей коляской не обойтись. Так мы теперь и ходим: Зетка меня охраняет, мы же краем глаза следим за ней, чтобы вовремя удержать от излишнего рвения.

Крепкая – даром, что маленькая: уверенно катит коляску и по ровной местности, и даже вверх по склону, если только подъём не слишком велик. Берег здесь то сбегает полугими песчаными пляжами к самой воде, то полого поднявшись, вдруг обрушивается почти отвесным обрывом, до самого края поросшим соснами.

С годами он медленно пятится, выстраивая ближайшие к краю деревья в неторопливую самоубийственную очередь. Вероятно, они падают в озеро ранней весной, по большой воде. Стволы убирают, а отломившиеся корни потом долго лежат под водой, постепенно приобретая свойства морёного дерева.

Правда, путь на самые многообещающие участки берега мне всё же заказан. Уж слишком сложный рельеф на спуске, в конце которого коляска, если каким-то чудом и доберётся

туда, встанет намертво, по́ уши увязнув в прибрежном песке. Ира приносит самые выразительные корни, и я подолгу кручу их в руках, стараясь понять, что бы такое могло из них получиться.

По возвращении отсюда, в оборудованной на лоджии мастерской, я буду долго возиться с этими деревяшками, подчёркивая их формы и ажурную структуру старого дерева. Вообще-то, охотников до резьбы по сосновому корню найдётся немного, что и немудрено. Застывшая в трещинках и внутри волокон смола делает дерево неравномерно-неподатливым, что очень скоро выводит из строя чуть ли не любой режущий инструмент.

Зато эта же древесина, много лет пролежав на речном дне, становится пластичной и мягкой. И работать с ней тогда – одно удовольствие! Вот Ира находит очередной корень, и Зетка азартно её атакует, стремясь отобрать эту новую, а потому – особо привлекательную "палочку". Пока они там заняты перетягиванием мокрого корня, я автоматически окидываю взглядом береговую кромку и прилегающую к ней часть озера.

Да, будь я мобильнее, вполне можно было бы, как в прежние времена, пройти по ней со спиннингом в руках.

По всему берегу идут широкие песчаные отмели, кое-где перемежающиеся островками травы, а в воде полным-полно всяческой рыбьей мелочи. В таких местах любит держаться некрупная щука, да и приличные окуни регулярно должны

сюда заглядывать.

Хотя, если искать серьёзную рыбу, лучше доплыть до другого берега, где уже есть приличные глубины. Расстояние между берегами – около полутора километров: если нет встречного ветра, можно долететь туда на вёслах минут за десять-пятнадцать...

Однако, стоп!

Я уже давно учусь переключаться с невозможного на доступное, попутно следя за тем, чтобы сгоряча не записать "недоступное сейчас" в "недоступное в принципе". Но – стараюсь и это недоступное не терять из виду. Тем более, и остающееся в моём распоряжении всё равно слишком велико, чтобы я успел всё это осилить.

Здесь у меня – вечный "Тришкин кафтан": занимаешься одним – на другое не останется ни сил, ни времени, и наоборот. Кстати, всего через год (о чём я сейчас ещё ничего не знаю) я приму решение оставить рыбалку, которой я увлекался с шестилетнего возраста. Раздам друзьям все свои спиннинги, удочки, блёсны, и прочую оснастку. Но ничего для себя не вычеркну: буду и вспоминать, и даже обсуждать с ними разные рыболовные вопросы.

С рыбалкой закончу, но страдать от этого долго не буду. Всё-таки, в последние годы она всё больше делалась для меня каким-то сомнительным способом неявного и мучительного самоистязания.

В свой первый приезд сюда в июне 2013-го, мы арендава-

ли вёсельную лодку, и мне даже удалось немного поплавать по озеру.

А полугодовалая Зетка в одно мгновение научилась плавать, отчаянно прыгнув за близко пролетающей чайкой. Я опасался, что после такого экстрима она станет бояться воды. Но – нет: тут же снова полезла в озеро за брошенной сосновой шишкой.

Да, мы все оказались тогда здесь впервые. Собака – с нами за компанию, мы – отыскав едва ли не единственную на тот момент классическую турбазу, доступную для человека в инвалидной коляске. Кроме пандусов, нечастых поручней и доступного для коляски санузла с душем, всё остальное мало чем отличалось от другой, прежде любимой нами турбазы.

Там, на другом озере: сколько мы проплавали на точно таких же лодках! Случалось, на тамошних плёсах попадали в шквалистый ветер и серьёзную волну. И тогда, не будучи уверенными в том, что лодка удержится на плаву, на всякий случай снимали с себя штормовки и развязывали шнурки на кроссовках.

Мой недуг, называемый "рассеянный склероз" (РС), и тогда уже был при мне. Однако довольно долго мне удавалось совмещать его наличие с подобного рода приключениями. В них, кроме некоторого экстрима, было немало удивительного, интересного, забавного и даже смешного. Так однажды, посреди плёса меняясь в лодке местами, мы случайно подслушали страшно нас развеселивший разговор, происходив-

ший между проплывавшими неподалёку от нас байдарочниками.

– Смотри, как "эти" по лодке расхаживают, – воскликнул один. – Как будто они – на твёрдом берегу!

– А что ты хочешь, рассудительно отвечал другой. – Они же здесь выросли!

"Да-да, мы как раз здесь и выросли!" – так мы, бывало, подшучивали над собой, вспоминая тот случай. Тогдашняя моя шноровка объяснялась не только опытом, но и многолетней отработкой одних и тех же движений.

Так мне довольно долго удавалось компенсировать нарастающие проблемы с координацией. Вот и на этой базе планы на ловлю с лодки у меня были серьёзные. Я бодрился, рассчитывая на свои навыки, однако на деле всё оказалось во все не так радужно. Давно отработанный и не слишком сложный приём отталкивания лодки от берега с одновременным запрыгиванием на корму, оказался теперь почти неисполнимым.

Да и со всем остальным, мои дела теперь обстояли довольно кисло. А тут ещё – постоянный западный ветер, бьющий в берег прямой наводкой и вынуждающий затаскивать лодку как можно выше. Очень этого не хотелось, но всё же пришлось себе признаваться, что лодку я уже не тяну.

Вот так и пришлось рыбачить преимущественно с берега, откуда я спустя несколько лет и совершил тот кульбит в "тёплую октябрьскую водичку". Тем временем, интересных

коряжек набралось достаточно.

"Дома" я их ещё раз осматриваю. Что-то вчерне обработаю, и потом возьму с собой, а что-то отбракую и брошу в стоящий рядом с коттеджем мангал. Очищенные от остатков коры и тронутых гнилью участки, эти корни приобретают совершенно фантастические формы, напоминающие мотивы картин Иеронима Босха.

Однако, все эти "палочки" приходится убирать в недоступное для собаки место, потому что – "с какой это стати хозяин так жадничает и не хочет делиться?!" Для Зетки поездки сюда – праздник ещё и потому, что, помимо режима "Гуляй, не хочу", она получает здесь право спать не на полу, как это положено дома, а в кресле. Дома-то она прекрасно знает, что "Собака – животное напольное" и – "Собаке – собачья жизнь".

*

В такие поездки я беру ноутбук с черновиками стихов, а также большую тетрадь в клетку, объёмом 96 листов. С нынешней остротой зрения, не превышающей 4-5% (результат многочисленных воспалений зрительных нервов) жидкокристаллический экран позволяет, пусть и не без сложностей, всё же читать и работать с текстом. И клавиатура, конечно: долго и разборчиво писать от руки я давно уже не могу.

Однако, здесь мне не уйти от вопроса: если всё так –зре-

ние, руки и всё прочее, зачем тебе эта тетрадь?! Но она мне действительно нужна – хотя бы затем, чтобы держать руки в тонусе, не позволяя им забывать прежние движения. Потому что клавиатура – клавиатурой, но она мелкой моторики пальцев почти не касается.

Да и так приятно писать от руки, краем уха слыша едва уловимый звук движения пера по бумаге! Не уверен, что меня поймёт каждый. Однако, тот, кто когда-то был вынужден передвигаться на костылях, а после снятия гипса пошёл своими ногами, поймёт вполне и наверняка.

Я беру шариковую ручку и пишу небольшие произвольные тексты: что-то вроде вольного автодиктанта. А как закончу, надеваю налобную лупу, чтобы оценить результат: разборчиво, читается ли?

Рука быстро устаёт и слушается всё хуже. Немного передохнув, я начинаю то одной, то другой рукой рисовать разные забавные рожицы. Полезное, скажу я вам, занятие!

В этот момент, я ни о какой тренировке не думаю – просто рисую. Но, прежде чем двинуться дальше, я должен объяснить, что это такое – мои 4-5 процентов зрения.

Вопреки возможным ассоциациям, это вовсе не означает, что я так уж ничего не вижу. Нет: и левым глазом, где эти проценты присутствуют, и даже правым – с выпадающим "слепым" центром, я всё-таки вижу довольно много. Но вижу в размытом, нечётком, расплывчатом виде – без всяких мелких деталей.

Вместо мухи на стене, сидящей метрах в двух от меня, я разгляжу нечёткое тёмное пятнышко. Увижу и швейную иглу, но разглядеть ушко без помощи лупы, и уж тем более – вдеть в него нитку, не смогу точно.

Всё это бывает неудобно, иногда – страшно неудобно. Но оно становится по-настоящему значимым, если на этом постоянно фиксироваться. Если же сосредоточиться на чём-то более содержательном, на многие вещи со временем обращаешь всё меньше внимания.

Поэтому вглядываясь в себя, я понимаю, что несчастным человеком я себя не чувствую. Или, даже так: как и все остальные люди, я могу почувствовать себя несчастным. Но такое чаще всего происходит по каким-то иным поводам, прямого отношения к болезни не имеющим.

И быстрые сполохи того, что называется счастьем, – они тоже время от времени меня посещают. Когда у меня что-то по-настоящему получилось, сочинилось, вообще – удалось.

Вот, как это бывает со стихами. Новое стихотворение всегда для меня событие: счастливая оглушённость, кратковременная потеря чувства земного притяжения. И, если всё получилось, стихи начинают жить собственной жизнью, почти мне неведомой.

Правда, с детскими стихами всё бывает куда щедрее и ярче.

Особенно, если они ставятся учителями и разыгрываются школьниками в виде забавных мини-пьес.

Вот со сцены звучат мои (но вдруг, уже и не совсем мои) слова, а зал с весёлым азартом оживает в ответ. Дети, занятые в постановке, почти растворяются в ней, начиная жить придуманной мною историей.

И что, спрашивается, тут ещё можно почувствовать? В школьном Актовом зале разыгрывается сценка по моему стихотворению "Нарвал". Девочка в роли "мамы", и мальчик – её "сын", сами (это так хорошо чувствуется!) получают огромное удовольствие от своего участия в этой игре.

А в зале – весёлое ожидание и смех родителей, учителей, и не занятых в спектакле ребят. Тем временем, сосцены звучит:

НАРВАЛ

**–В Ледовитом океане –
там, где волны бьют о камни,
у гряды суровых скал,
обитает кит Нарвал.**

**Кит копьём вооружён
(чтоб не лезли на рожон!)
Он готов к морскому бою,
справится с волной любой,
выдержит любой аврал –
будь то хоть Девятый Вал!
Рассказал я про Нарвала
маме, а она сказала:
– Как и где живёт Нарвал,**

ты мой друг, боюсь, наврал!

– Твой – сказала мама так –

Мир стоит на трёх китах:

кит "Нарвал",

кит "Разбросал",

кит "Ты так и не убрал!"

–Ты сейчас, – сказала мама, –

разобрался бы с "китами":

У тебя они кругом –

на столе и под столом!

Я вздохнул: "Ну ладно, мам!"

И –пошёл к своим "китам".

Детские стихи стали прорасти во мне далеко не сразу: они начались вскоре после рождения дочери, в конце 90-х. Вот так и получилось: дочка выросла, а детские стихи с тех пор так и остались со мной.

Пока мы здесь, я редко вспоминаю о городе. Здесь мы почти полностью отключаемся от внешнего мира, и он, похоже, тоже почти теряет нас из виду. Дозвониться сюда бывает не так-то просто, телевизор мы не включаем, а Интернет много лет здесь просто-напросто отсутствовал.

Потом он конечно же, появился. Но и в таком случае он будет доступен, если только ты сам захочешь подключиться к сети. А нет – ты снова оказываешься в блаженном уединении, когда и думается, и пишется, и даже чувствуется как-то иначе.

О, Его Величество Интернет! Если в обычной жизни он вдруг исчезает, как трудно бывает избавиться от навязчиво-тревожного дискомфорта! А если твой смартфон или компьютер в Сети, как трудно бывает удержаться от того, чтобы лишний раз не заглянуть в эту манящую бездну!

Даже если ты занят, даже когда цейтнот, аврал, катастрофа! Здесь же – когда поневоле, а когда и по собственному желанию, ты оказываешься в уже непривычном и ни к чему не обязывающем, оффлайне. В одну из прошлых поездок у меня на эту тему сочинилась вот такая ироническая миниатюра

**Зайти в Vk – на цыпочках,
тайком;**

**одним глазком взглянуть,
и – сразу выйти!**

**Но в этом "сразу" –
трещиной в граните,
змеится острый и крутой
разлом.**

Туда стекает Время, как вода...

– Куда?!

– Не знаю.

Только – не туда.

Бывает, будущие стихи долгое время существуют во мне в виде нескольких разрозненных строчек, плюс неясный образ, клубящийся где-то у границы сознания.

Часто он так ни во что и не воплощается, и спустя какое-то время, просто исчезает. Но бывает и так, что этот неосязаемый "пазл" вдруг во что-то встраивается, и стихотворение рождается как будто само и почти целиком: успевай только записывать!

"Почти целиком" – это потому, что дальше наступает этап мелкой, аккуратной и точной шлифовки. Тут – фонетическая дисгармония, там – стилистическая шероховатость. Или, неточные – слово, метафора, рифма, звук.

Правда, случаются и безусловные экспромты. Именно так появился вот этот стишок:

**Жизнь начиная с "Чистого листа",
Ты думал – и судьба теперь иная?
Но, что б ты на листе ни начертал,
Судьба тебя по почерку
Узнает.**

Ирония, самоирония, юмор, шуточная игра слов и смыслов: жить без этого было бы слишком грустно. И для такого рода творчества есть у меня отдельное, вполне себе шутовское авторское имя: "Лев Тушенко". Им я подписываю свои шуточные произведения, часто – миниатюры, состоящие всего из нескольких строчек.

А однажды мне в голову пришло нечто уже совершенно не шуточное, но хорошо расставляющее всё по своим местам:

**Когда судьба – как взмахнута,
суметь бы ей ответить "ДА"!**

**Когда не виноватникто –
ни Бог, ни Чёрт,
ни конь в пальто,
не сможешь "ДА" сказать Судьбе –
и "АД" останется
в тебе.**

Пока сиденье коляски полностью не высохло, приходится передвигаться по нашему жилищу без всякого комфорта, устроившись на жёстком остоле. И я "иду" в пристройку, которая здесь то ли сени, то ли прихожая, то ли кухня, то ли – мой кабинет. Или, скорее, всё это вместе.

Осенью, когда мы обычно сюда приезжаем, на базе почти не бывает шумных компаний. Да и вообще: отдыхающих, согласных на прохладу и частые дожди, всегда наберётся немного. Хотя, и осенняя погода нет-нет, да и выкинет какой-нибудь фортель. Вот, как это произошло во время наступления здесь двадцатиградусной жары, случившейся аж во второй половине сентября! Ну да, именно жары: как тут ещё скажешь, если осеннее солнце припекает так, что все твои ветровки-куртки-водолазки начинают казаться насмешкой над здравым смыслом? И это событие привело к появлению ещё одного, тоже – давно клубившегося в сознании стихотворения

**Не одно – одно и то же:
вровень, да сравнить нельзя.
Меришь близкое с похожим,**

а оно –ни так, ни сяк!

**Двадцать градусов ПРОХЛАДЫ –
это летом, mon chéri!**

**А во время листопада –
двадцать градусов ЖАРЫ!**

**Платой в счёт явленья Чуда
в юности – хоть вниз с моста!
Там – минута, здесь – минута.
а – поди-ка, сопоставь!**

**Ветром слов пушинки носит,
слово – бурю принесёт:
ничего не вся вове, все,
перевешивает
всё!**

Однако, как водится: не только пищей духовной. Здесь часто бывает нужно что-нибудь поправить, приспособить, а то и сделать своими руками. В случаях, когда в силу моих обстоятельств бывает особенно трудно, я стараюсь переносить фокус внимания с этого треклятого "трудно", на почти всегда имеющееся под рукой зазорное "Хочется".

Правда, "Хочется" – зверь пугливый. Стоит тебе разозлиться, обидеться, расстроиться, пасть духом или просто раскиснуть, как он исчезает, сменяясь упрямым, колючим и неуступчивым "Надо". А придёшь в себя, оно тут же появится снова, – иногда под шуточным девизом: Хочется – хуже, чем болит!"

Хотя, и "Хочется", и "Надо", а случается – то и другое вместе, являются в самых разных обличьях. А потому кроме тетради и ноутбука, я всегда беру с собой компактную, но вместительную сумку с инструментами и всякими полезными мелочами.

За много лет поездок сюда, её содержимое пригождалось мне множество раз. То требуется мелкий ремонт или регулировка коляски, то нужно что-то подтянуть, заточить, отпилить, закрутить.

А однажды в связи с неожиданной и в этих условиях, катастрофической поломки одного из её узлов, потребовался довольно серьёзный и срочный ремонт.

Год от года оказываясь в одном и том же коттедже, мы начинаем заново обживать и обустраивать своё временное жилище.

Я протягиваю от розеток удлинители, собираю и устанавливаю свою самодельную и разборную, настольную лампу. Стол передвигается на наше привычное место, остальная мебель тоже расставляется по удобным для нас местам.

Бывает, случаются здесь какие-нибудь мелкие (не чета

неожиданному ремонту коляски!) истории.

Как-то раз обслуживающая наш коттедж горничная внезапно обнаружила, что принесённые ею ножницы страшно затупились. Она на них очень рассчитывала, и я с удовольствием вызвался ей помочь. Это ощущение – что ты что-то умеешь, часто здорово меня держит. И я, в свою очередь, за него очень держусь.

Коляска

В детстве, в возрасте лет семи, мне довелось повстречаться с женщиной, сидевшей в инвалидной коляске: до той поры – совершенно не виданное мною зрелище!

Мы тогда вместе с матушкой и младшим братом отдыхали в маленьком, живописном городке, стоящем на правом берегу Оки. Летняя жара, ежедневные походы на каменистый пляж через территорию одного из многочисленных в тех краях санаториев.

Местность была полна незнакомой городскому мальчишке разнообразнейшей живности. Яркие, никогда не встречающиеся в ближайшем Подмосковье бабочки и великое множество самых разных жуков: бронзовок, древоточцев, жужелиц, божьих коровок, долгоносиков, и ещё таких, чьих названий я в то время ещё не знал.

А если зайти в густую траву и опустишься на колени, ты попадаешь в удивительный мир, живущий своей, не похожей ни на что привычное жизнью.

Ещё одной, и может быть – даже более загадочной Вселенной был для меня мир подводный.

В реке он для меня по большей части только угадывался. Воображение рисовало таинственные глубины, где стаи огромных рыб почти неподвижно стоят против течения, а под камнями, тысячи лет не видевшими солнечного света,

прячутся раки.

Но река своих тайн открывать не спешила, откупаясь стайками серебристых мальков, да ещё – щурятами: миниа-
тюрными, но уже настоящими и грозными щуками.

Рядом с пляжем в каменистое дно были вколочены желез-
ные столбики с приваренными к ним кольцами, на которых
приплясывали на волнах дощатые лодки. Изредка мне по-
настоящему везло: местные рыболовы возвращались с уло-
вом, подтверждавшим картины, рисуемые воображением.

Но вот они, эти тайны, извлечённые из глубин и на корот-
кое время разложенные на берегу!

Тяжёлые, брусковатые судаки, лещи, огромные окуни (да
разве такие бывают?!). И ещё – какие-то большие серебри-
стые рыбыны: то ли язи, то ли жерехи (по малости лет я их
тогда не отличал).

Правда, застать такую картину – удача редкая. Зато в ка-
ком-нибудь крошечном прудике вся его жизнь была как на
ладони.

Один такой пруд находился неподалёку от дома, в кото-
ром мы квартировали. Время от времени мне удавалось, за-
мерев на самом его краю, заглянуть в эту чарующую глубину.

А в прибрежной полосе водились ужи, стремительным
чёрным зигзагом пропадающие из виду при малейшей по-
пытке к ним приблизиться.

Моё увлечение биологией в пору, когда я ещё даже не знал
этого слова, было просто огромным. Так, ещё в детсадовском

возрасте мы с моим приятелем по группе Димой Туркиным, умудрялись находить насекомых даже самой глухой зимой. Находили их возле теплотрасс, в узких глубоких щелях между стеной дома и идущей вдоль неё асфальтированной дорожкой.

А однажды, возвращаясь из детского сада, (в моей памяти по малости лет эта история не сохранилась, зато её прекрасно запомнила моя матушка) мы вошли в лифт вместе с двумя незнакомыми мужчинами. Лифт пошёл вверх, и тут я возьми, да и спроси: "Мама: а лев живородящий, или он яйца откладывает?" И наши попутчики от дружного хохота едва не сползли по стенкам кабины на пол.

Но – вернусь к тому отдыху на Оке. В момент, о котором я вспоминаю, я вероятно гнался за какой-нибудь очередной летучей живностью.

Выбравшись из зарослей на покрытую растрескавшейся плиткой площадку, я почти налетел на неё. Увидел, и просто опешил.

Она показалась мне тогда чуть ли не пожилой дамой, хотя сейчас я понимаю, что этой женщине было лет сорок пять, не больше. К моему изумлению, она умиротворённо смотрела вокруг, сидя в... инвалидной коляске! Может быть, она ожидала кого-то, а может, просто дышала свежим воздухом, приправленным ароматом цветущего Чубушника, часто именуемого "Жасмином".

Без сомнения, ей было хорошо в то утро. Но – как это

вообще может быть: она же сидит в инвалидной коляске; она же не может (не может!!!) ходить?!

Я впервые в жизни видел человека в таком положении: в те времена это было очень редкое зрелище. Женщина улыбнулась мне и о чём-то спросила. А я, выдавливая из себя какие-то случайные слова, всё смотрел на неё, холодея душой от ужаса. Как она ТАК живёт, как вообще возможно ТАК жить?!

Много позже, в семнадцать лет заболев рассеянным склерозом, а в сорок пять столкнувшись с необходимостью сесть в примерно такую же коляску, я постепенно начал понимать – как.

Но объяснить это всегда бывает очень непросто. Скажешь: "Ничего страшного!" – и это прозвучит ужасно фальшиво.

"Это конец жизни!" – тоже соврёшь, потому что уже после того, как я оказался в таком положении, я кое-что важное для себя увидел, понял, сделал и написал. Испытывал и настоящее горе, и необыкновенное счастье, и ещё – великое множество самых разных эмоций и состояний.

Бывали минуты, когда просто жить не хотелось, но было и так, что от нахлынувших чувств едва не перехватывало дыхание.

Но! Абсолютное большинство моих сложных и даже тяжёлых ситуаций, к инвалидной коляске не имели ни малейшего отношения. Поэтому, что тут ни скажи, всё будет не то; по крайней мере – не совсем то.

Гуляя по расположенному неподалёку от нашего дома парку, я часто попадаю в поле зрения детей, совершенно точно видящих мир совсем не так, как в их возрасте видел его я.

Нынешние дети тех же семи-восьми лет, могут смотреть на меня как угодно: с равнодушием, интересом, как на нечто само собой разумеющееся.

Но чаще всего они вообще не обращают на меня никакого внимания. Если же мальчишку помладше везут пересекающимся со мной курсом на прогулочной коляске, он может даже затеять со мной тайные гонки, азартно следя за тем, чтобы успеть проехать точку пересечения наших траекторий раньше, чем это сделаю я.

Или бывает, между мной и маленьким человеком возникает короткий, но полный скрытой драматургии эпизод, с его стороны полный нешуточных страстей.

Вот, как однажды на идущей вдоль нашего дома дорожке мы на встречных курсах сошлись с бравым парнем лет пяти, сидящим в прогулочной коляске, ведомой его матерью.

В каком-то смысле мы с ним в этот момент были на равных! Мальчишка смотрел мне в лицо взглядом капитана пиратского брига, идущего на abordаж, и расстояние между нашими "кораблями" катастрофически сокращалось.

Но тут моя "команда", что называется, дрогнула: мы оста-

новились, а потом и вовсе — дали задний ход, уступая дорогу бравому капитану. А он с важным видом, приличествующим победителю, проплыл мимо нас.

На один короткий миг мы встретились взглядами, и в ответ на мою улыбку он важно надул щёки — очевидно, ещё раз подчёркивая свой безусловный триумф.

Всё действие этого мини-спектакля уложилось меньше, чем в полминуты. Зато какое, скажу я вам, это было напряжённое действие! Дети постарше, идущие навстречу и незаметно одёрнутые родителями, чаще всего покорно пропускают меня вперёд, на секунду задержав взгляд на серебристом веере мелькающих колёсных спиц.

Люди добрые, или — от трогательного до смешного

Старшеклассники и вообще подростки: вот уж кто не перестаёт приятно меня удивлять!

За время моего пользования коляской, даже короткая прогулка редко обходится без того, чтобы кто-нибудь из них не предложил мне свою помощь.

Поначалу это изрядно удивляло, потом стало привычным, но оно всегда меня необычайно трогает. Правда, помощь со стороны чаще всего мне не требуется. Но если она всё же нужна, именно с подростками здесь бывает общаться комфортней всего.

В такие моменты я стараюсь максимально сжато и точно объяснить, что требуется сделать. Они слушают не перебивая и не порываясь действовать раньше времени.

Если же мне берутся помочь взрослые (чаще – мужчины), они довольно часто принимаются за дело сразу же, ни во что "лишнее" не вникая. Сами, дескать, во всём разберёмся! Вот оно и получается, что кажущиеся логичными и интуитивно понятными, иные решения на деле оказываются совершенно "не туда".

Потом, конечно, меня уже слушают, и я ещё раз излагаю правильный порядок действий: – как коляску с сидящим в ней человеком без травмоопасных и чрезмерных усилий может поднять на бордюр любой – даже не сильный физически человек;

– как спустить её с бордюра или ступеньки, и опять же – без больших усилий и ненужного риска;

– каким хватом нужно браться за руки, если мне нужно сделать несколько шагов в отсутствие опоры для рук; – за какие части коляски можно браться, а за какие – ни в коем случае, ибо они немедленно отстегнутся, и так далее.

Я много раз с удовлетворением и благодарностью замечал, как люди стараются адаптироваться к новой для них реальности – регулярному появлению на улицах человека в инвалидной коляске.

Правда, эта ситуация не обрела ещё черты обыденности, из-за чего в ней время от времени случаются разные эксцес-

сы – к счастью, чаще всего, забавные.

А это произошло ещё в бытность моего пользования ролятором.

Мне тогда было нужно попасть в стоматологическую клинику, находящуюся от нас в полчасе автомобильной езды. Такси остановилось перед высоким газоном, пересекаемым широкой лестницей с (ура!) большими перилами.

Переставляя свою опору на колёсах вверх со ступеньки на ступеньку, я наконец добрался до тротуара. Теперь до моей цели – входной двери в клинику, оставалось всего метров двадцать.

На дворе стоял начавший подмораживать ноябрь, и мне приходилось внимательно следить за тем, чтобы невзначай не наступить на затянутую ледком лужу.

Вот до вожаемой двери остаётся уже всего ничего, и в этот момент рядом со мной возникла эта симпатичная девушка. Она пробежала мимо, а тут я: медленно лавирую между лужами.

Её внезапный порыв помочь, чрезвычайно меня тронул. Но в результате он же обернулся поистине трагикомической ситуацией. "

– Давайте, я помогу! – она выдернула ролятор из моих рук (от неожиданности я даже не сопротивлялся), отнесла его к двери клиники, улыбнулась, и – убежала!

Я же так и остался стоять, вцепившись руками в какой-то уступ в стене и лихорадочно соображая, что теперь делать.

К счастью, сценку с отъятием ролятора видел какой-то случайный прохожий. Вполне оценив комичность ситуации, он даже не смог удержаться от смеха. Потом вернул мне ролятор, осведомился, не нужна ли ещё помощь и, услышав моё "спасибо, теперь всё в порядке!", пошёл себе дальше.

И вот – ещё несколько историй.

В тот день мы куда-то собирались ехать (куда – уже и не вспомню). До появления такси оставалось ещё минут десять, и я решил размяться – покататься по двору и его окрестностям. Хотелось проведать тропинки, исхоженные в прежние годы вдоль и поперёк ещё с первой нашей собакой.

Прогулялся, а когда до появления машины оставалось минуты две, вернулся назад и остановился на симпатичном травянистом пятачке невдалеке от дороги.

Был конец августа – солнечно, но уже не жарко: я очень люблю это время! Откинувшись на спинку коляски и бросив расслабленные руки вниз, я блаженно закрыл глаза. Хорошо: спокойно, солнечно, прохладно...

И вдруг моя коляска резво тронулась с места и с непонятным ускорением покатилась вперёд.

Я едва успел отдёргнуть руки от начавших движение колёс. Ещё бы чуть-чуть – повредил бы (хорошо, если не сломал!) попавшие в спицы пальцы. Оглядываюсь: коляску держит сзади за ручки какой-то незнакомый мужик в средней степени подпития, и примерно моих лет.

– Ты что делаешь?! – говорю. – У тебя с головой всё в

порядке?!

– Извини, братан! – отвечает растерянно. – Я подумал, ты застрял, хотел помочь...

Мне стало его даже немного жалко. Вот же захотел человек совершить доброе дело, и – на тебе! Посмеялись, а тут и Ира появилась, и машина подъехала – к нашему обоюдному облегчению.

– Ты не сердись; если что, обращайся, – смущённо пробормотал он вдогонку. – Бывай!

А я и не сердился: скорее, было просто смешно.

В другой раз, человек средних лет, по моей просьбе взявшийся помочь преодолеть высоченный порог, не слушая моих торопливых пояснений, поднял подножку коляски так высоко, что я едва не вывалился.

Передние маленькие колёса на такой фокус, естественно, рассчитаны не были, а потому я вместе с коляской завис в каком-то странном полуопрокинутом положении. Мы с грехом пополам вернулись в исходную позицию, и на этот раз я смог всё нормально ему объяснить.

Теперь мой добровольный помощник развернул коляску задом – большими колёсами на препятствие, и они, как и положено, без труда перенесли меня на другую сторону. Мы обменялись рукопожатием: я видел, что это был его первый опыт такого рода.

Выбираясь на прогулку, мы часто заходим то в какой-нибудь супермаркет, то на находящийся неподалёку от нашего

дома рынок. Правда, у входа в крытую его часть нет пандуса, и потому я охотно остаюсь ждать на улице.

Утро, солнечный день, банка колы в руке, и уже чуть позабытая толчея у прилавков. Мне здесь интересно и даже немного весело. Да, я уже здорово отвык от всего этого, и вновь оказаться среди такой суматохи очень даже приятно. И вдруг какой-то мужчина, будто что-то внезапно вспомнив, поворачивается ко мне и суёт сторублёвую купюру. И уже кто-то ещё остановился, роясь в карманах в поисках мелочи. Я тороплюсь объяснить, что – нет-нет, не нужно никаких денег; я здесь просто стою! А самому одновременно и смешно, и неловко, и немного досадно. И непонятно, что тут делать: не вешать же на коляску соответствующую табличку!

Или, как-то случилось мне оказаться неподалёку от ворот одного известного монастыря. Сажу в коляске: разглядываю монастырские стены и храмы за ними. Интересно смотреть на пересечение двух человеческих потоков: один в ворота, другой – из ворот. Стою на достаточном удалении: и людей мне видно, и идти никому не мешаю.

И тут – опять! Идущая метрах в сорока молодая женщина вдруг круто поворачивает и направляется прямо ко мне. Подходит: высокая, в длинной тёмной одежде и тугом чёрном платке. Монахиня? Может, и так: где-то неподалёку отсюда находится и женский монастырь.

Конечно, я всё уже понял, и ещё на расстоянии отчаянно машу ей руками. Дескать, спасибо, но – нет, пожалуйста:

ничего не нужно! Но подойдя, и не обращая на мои возражения никакого внимания, она говорит что-то участливое, и достаёт из сумки яблоки и какие-то сладости.

И выходит так, что не принять от неё эти гостинцы – как будто незаслуженно человека обидеть. Но я продолжаю что-то ещё говорить, всё острее понимая бесполезность своих усилий.

Она терпеливо дожидается паузы, а потом: "Господь с вами: возьмите, прошу вас! Яблоки очень вкусные: вот, и ещё шоколад..." И что тут сделаешь? Взял я у неё все эти гостинцы, поблагодарил за участие.

А потом ещё долго смотрел ей вслед, пытаюсь угадать, кто она в жизни: поэт, музыкант, художница? ...А яблоки и вправду оказались отменные: спелые, сочные и необыкновенно вкусные.

Обстоятельства места и времени

В начале 90-х мне доводилось общаться со стариками, заболевшими рассеянным склерозом ещё в молодости, а потом долгие годы прожившими в не имеющих лифта "хрущёвках".

Покуда они могли ходить – как-то ходили. Ну, оступались, спотыкались, теряли равновесие. Потом обзаводились тростью: кого это могло удивлять? А как переставали ходить, оказывались запертыми в четырёх стенах.

Хотя, по нескольким лестничным пролётам свезти коляс-

ку с находящимся в ней человеком, в принципе, можно. Но для этого требуются и терпение, и немалая физическая сила.

Мои собеседники рассказывали, что если в первые годы их колясочного существования людей, готовых помочь, находилось немало, то с течением времени их становилось всё меньше. Тут всё понятно: у знакомых и другой жизненный ритм, и собственные здоровье и возраст.

Так эти люди и оставались многими годами безвылазно дома, а для всех остальных, они как будто переставали существовать.

Вероятно, именно по этим причинам в своём детстве я встречал людей и с тросточками и на костылях. Видел даже людей без обеих ног, передвигавшихся на низеньких тележках (нечто подобное было у безногих инвалидов сразу после войны).

А вот человека в инвалидной коляске, увидел только однажды – во время того нашего отдыха на Оке.

С того времени, как я впервые почувствовал затруднения при ходьбе, пришлось учиться как можно внимательнее и чаще смотреть себе под ноги.

И – да: ты действительно начинаешь на этом сосредотачиваться – спускаясь и поднимаясь по лестнице, входя в подъезд, автобус, в вагон электрички или метро. Но на ровном месте – на дорожке, во дворе, на газоне: здесь-то это зачем?

Но оказалось, что и здесь ты можешь вдруг оступиться, зацепить землю чуть подвисяющей стопой, и, не сумев найти

точки равновесия, грохнуться при всём честном народе на землю.

Довольно скоро тебе становится ясно, что отвлекаться теперь нельзя вообще никогда. И ты, внимательно глядя себе под ноги, начинаешь замечать всё больше досадных и потенциально опасных мелочей, непонятно зачем сделанных или поставленных во дворе.

Какой-то бордюр на границе дорожки и газона, металлическое хренегознаетчто, торчащее из земли, ступенька там, где она вообще ни к чему, крутая лестница без перил, и так далее.

С появлением же коляски, большинство этих проблем – где почти, а где и полностью, теряет прежнюю актуальность.

Зато к вящей своей досаде, ты начинаешь понимать, что они просто уступают место другим, не менее беспокойным вещам.

И – одно из неприятных открытий того времени: коляска вовсе не страхует тебя от неприятностей при передвижении! Она даже не вполне страхует и от падений. Зато – я так иногда подшучиваю над своей ситуацией: не по этой ли самой причине, наши паралимпийцы на международных соревнованиях стабильно показывают высокие результаты?

И я был бы очень рад максимальным образом от всего этого абстрагироваться, если бы – не....

Но! С того момента, как я ею обзавёлся, коляска мне не приснилась ни разу. Ещё раз: НИ РА-ЗУ!

Зато во сне я и хожу, и легко спускаюсь по ступеням, и даже бегаю, краешком сознания ловя восторг, изумление и необыкновенную лёгкость от того, что — могу, что вот — всё же бегу!

А проснувшись, я, к счастью, ни разу не испытал ни обиды, ни горечи, ни досады. Напротив: было очень приятно касаться тающих обрывков такого чудесного сна, привкус которых ещё немалое время остаётся с тобой.

К тому же и всё-таки: между дебютом рассеянного склероза, и появлением инвалидной коляски у меня прошло без малого 28 лет. Очень даже приличная фора! Хотя, конечно: с появлением диагноза было практически невозможно не примерить на себя и этот вполне вероятный сценарий. Вот что я писал в своей прежней книжке "Один на один с болезнью":

"За годы существования в моей жизни этой болезни, я не потерял возможности жить интересной, полноценной, насыщенной жизнью. Бывали и бывают, конечно, такие моменты, когда я балансирую на грани, за которой начинается иная жизнь. В ней фигурируют инвалидная коляска, костыли, ходунки и прочие столь же невесёлые атрибуты. (Она, тем не менее, тоже может быть интересной и насыщенной!)."

Но сейчас, в июле 2009-го года, когда я пишу эти строки, я пока обхожусь одной только тростью. Впрочем, эти технические подробности ещё ни о чём не говорят: дело ведь совершенно не в этом!"

Сейчас моя ситуация по многим параметрам сильно отличается от той, что была тогда. Наверное, думаю я теперь что-то иное, можно было бы считать, что время ловит меня на слове. Но – нет: я и сейчас думаю практически то же самое.

Не так давно я поймал себя на мысли, что давно уже не фиксирую внимание на факте существования у меня инвалидной коляски. Она давно не вызывает у меня не только глубоких или острых: никаких переживаний не вызывает! Но это – не "смирился", и уж тем более, не "капитулировал".

Просто такие переживания не ведут ни к какому результату, кроме бессмысленного саморазрушения. Вот, если бы я отказался от доступного мне и совершенно перестал вставать на ноги, тогда бы – да: сломался.

А так – я пользуюсь этим техническим приспособлением в каком-то смысле так же, как человек со слабым зрением пользуется очками. Он берёт книгу и автоматически тянется за ними, едва ли фиксируясь на этом движении. И уж, конечно, не терзаясь мыслями о том, что без очков он был бы совершенно слеп и беспомощен.

Хотя я понимаю, что допускаю довольно рискованное сопоставление. Но тут поневоле возникает такой выбор: невозможно одновременно сосредоточить, с одной стороны, все чувства и внимание на своих обременениях, а с другой – на вещах, имеющих для тебя личностный, созидательный, жизненный и любой другой смысл.

Новенькая, только что доставленная из магазина коляска выглядела внушительно и убедительно, как настоящая иномарка. Да она и была таковой: добротное, изящное и качественное изделие известной немецкой фирмы.

Вопреки собственным опасениям, я воспринял её появление довольно спокойно. Вероятно, получилось так потому, что задолго до этого были у меня и трость, и ролятор, вызывавшие (в особенности, трость) действительно серьёзные переживания, о чём я ещё расскажу.

Встав перед необходимостью ею обзавестись, я оказался перед непростым выбором: какую предпочесть – электрическую ли, механическую? Электрическая коляска подкупала технологичностью и комфортом: двинул джойстик в нужную сторону, и – вперёд!

Ведь одно дело передвигаться, вращая руками ободья колёс, и совершенно другое – ехать на экипаже, который сам тебя везёт. Конечно, электроколяска стоит на порядок дороже, зато – какие возможности! Но, с другой стороны: почему бы не простая, надёжная и ремонтпригодная даже в походных условиях, механика?

Впрочем, раздумывал я недолго. "Пока руки в силе и неплохо слушаются, – решил я, – Нужно этим всемерно пользоваться!"

Тем более, почти сразу стало понятно, что в моём случае это вообще – единственно возможный вариант. А причина тому – полная непригодность нашего дома, построенного ещё в начале 80-х, к моим нынешним реалиям.

Вышло так, что ни лифт, ни лестничные площадки, ни даже выход из подъезда – ничего здесь не годилось для тяжёлой и габаритной электроколяски. Её, весящую не менее тридцати, а то и сорока килограммов, пришлось бы таскать вверх-вниз по лестнице.

Кому? Просить жену или дочь? Или ждать оказии, когда кто-нибудь из соседей будет выходить из дома? Вот так всё и сошлось на надёжной, технически несложной и довольно лёгкой, механической коляске.

Кстати, в дальнейшем я ни разу не пожалел о своём выборе. Простая и маневренная "механика", многожды мне пригодилась, и, учитывая выпадавшие на её долю нагрузки, сколь-нибудь серьёзно сломалась только однажды, да и то – не фатально, хотя повозиться пришлось изрядно.

А после приглашения к участию в телевизионном поэтическом конкурсе, я ещё раз убедился в правильности этого выбора. Правда, к тому времени одновременно и идти, и катить коляску по ступеням у меня уже не получалось.

Но всё же это было не слишком тяжёлое устройство, к тому же снабжённое удобными для преодоления ступенек большими колёсами.

Студия, где проводился конкурс, находилась на четвёр-

том этаже дома, постройки начала прошлого века. Приехав на такси по указанному адресу и войдя в подъезд, мы на несколько секунд остоленели обнаружив, что лифта в нужном нам здании не предусмотрено в принципе.

Высокие лестничные пролёты, да ещё – последний четвёртый этаж: сюрприз, надо сказать, оглушительный! Но – ничего не поделаешь. Ира катила пустую коляску вверх по ступеням, я же, перехватывая перила руками, с короткими передышками поднимался следом.

И – добрались-таки до студии, и были встречены приветливой девушкой-менеджером, тут же предложившей нам по чашечке ароматного горячего кофе.

Конкурс проводился в форме сменяющего друг друга чтения стихов парами конкурсантов. Потом в течение следующей недели одновременно проводились: зрительское голосование для предыдущей, и съёмка следующей пары участников.

Моим соперником оказался приятный молодой человек, житель одного крупного уральского города. Заранее узнав его имя, я поспешил заглянуть на его авторскую страничку. Почитал, посмотрел, подумал. Да: хорошие стихи, сильный автор!

А мне с самого начала не давала покоя одна заманчивая, но довольно рискованная идея, о чём я расскажу чуть позже.

Приглашая меня на конкурс, организаторы предупредили, что регламент будет очень строгим. Каждому участнику

на чтение его подборки отводится ровно пять минут. По их истечении микрофон будет отключён – вне зависимости от того, успел ли ты закончить своё выступление.

Поэтому, готовясь к записи, я много раз прочёл вслух отобранные стихи, краем глаза следя за часами. И, наконец, определился: в пятиминутный отрезок со страховкой секунд в десять, надёжно уместилось шесть подходящих к этому случаю стихотворений.

У каждого из участников, кроме его выступления, должно было быть ещё интервью на камеру, а в самом конце – краткий комментарий присутствующего здесь же литературного критика.

А вот – что касается той моей авантюрной идеи. Несмотря на то, что в запасе у меня была крепкая подборка "взрослых" стихов, мне очень хотелось рискнуть, прочитав в кадре стихи из цикла "Детские стихи для читателей всех возрастов".

В своём вступительном слове я сказал, что это – моя попытка говорить с детьми по-взрослому, а с взрослыми – языком Детства. А риск здесь и вправду был очень серьёзным.

Среди привычных и ожидаемых произведений моя подборка могла быть принята даже не всеми членами Жюри, не говоря уже о голосовании зрителей. Но это обстоятельство только добавляло мне эмоционального драйва.

В связи с телевизионной съёмкой был у меня и ещё один, дополнительный повод для беспокойства. Я очень опасался,

что моя коляска может случайно попасть в кадр. Перспектива получить лишние голоса просто из чувства сострадания, меня чрезвычайно тревожила. Но к моей радости всё сложилось как нельзя лучше.

Перед интервью я пересел на обычный стул, коляску же откатали далеко в сторону. И хотя во время выступления мне пришлось в неё вернуться, взятый оператором план был столь крупным, что коляска в него заведомо не попадала. Сидя сначала во время интервью за столом, потом оказавшись тет-а-тет с камерой, потом – в ожидании окончания выступления своего соперника, я совершенно потерял счёт времени.

Нечто похожее бывало со мной во время сдачи экзаменов. Так и здесь: в конце съёмки выяснилось, что мы провели на записи не час с небольшим, как мне казалось, а без малого три!

Голосование в интернете длилось, как я уже упоминал, всю неделю. В первый день и среди экспертов, и среди зрителей, я был абсолютным фаворитом. Но потом мой соперник, по-прежнему отставая в экспертном голосовании со счётом 1:9, в зрительском голосовании начал быстро меня нагонять.

Вероятно, в борьбу включилась его "группа поддержки", что, впрочем, никакими правилами не запрещается. Я страшно волновался, следя за быстрым сокращением дистанции между нами, но размещать призыв поддержать меня на своих страничках я не хотел принципиально.

Впрочем, по общим итогам я всё-таки смог удержать лидерство, и остался победителем раунда. Но вот на следующий этап я уже не попал. Решение, кто из победителей в парах пойдёт дальше, тоже определялось зрительским голосованием, и на этот раз я проиграл – правда, уже не зная, кому.

Зато в другом конкурсе – именно детских стихов, вскоре состоявшегося под эгидой одного международного литературного фонда, я стал Лауреатом – как раз с одним из тех, читанных на камеру, стихотворений:

**На Северо-Западе Юго-Востока,
На горных лугах и речных берегах,
Стадами огромными и одиноко
Гуляют деревья на длинных
Ногах.**

**Пасутся Дубы на холмах и в долинах,
На кручах могучие Кедры стоят,
За быстрыми стайками Дикой Малины
Рябины устало и зорко
Следят.**

**Там Ёлки на лапах пружинистых скачут
Плетутся Осины, дрожа от дождя,
А Ивы Плакучие горестно плачут,
В холодный ручей по колено
Зайдя.**

**Там носит Черёмуха белую гриву,
За ветками пряча богатство своё,
И хищные стаи Голодной Крапивы
Кусают за голые ноги
Её!**

**На Северо-Западе Юго-Востока,
На горных лугах и речных берегах,
Стадами огромными и одиноко
Гуляют деревья на длинных
Ногах.**

И на это мероприятие нам снова пришлось: мне – идти, хватаясь за перила, Ирине – катить коляску вверх и вниз по лестнице. Правда, на этот раз требовалось преодолеть всего только один лестничный пролёт. А во время награждения я, пусть и на коляске, но всё-таки "вышел" на авансцену для получения Диплома победителя конкурса, и для приветствия жюри и зрителей. Пусть это может выглядеть сущей мелочью, но как же эта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.